

ЮБИЛЯРИЙ

- Это случилось в Тарханах. Мы приехали вместе с Игорем Шкляревским и Иосифом Кобзоном на Лермонтовские чтения. Потрясающие впечатления! На поляне, расположенной амфитеатром, собралось тысячи три. Организаторы праздника закатили костюмированный бал с полонезом, мазуркой. Директор музея Лермонтова Тамара Михайловна Мельникова потом представила нам танцевавшую молодежь. Оказалось, все они работают в музее садовниками, электриками, экскурсоводами.

— Ты знал, что едешь получать премию великого поэта?

— Нет. Ее присуждают уже четвертый год. Союз писателей России и Лермонтовский комитет дали мне премию за книгу "У судьбы моей на краю". Я счастлив, потому что Лермонтов — мой любимый поэт.

Книга "У судьбы моей на краю" выдержала 6 изданий. После презентации книга Дементьева "Виражи времени" выдержала пять изданий — по 5—8 тысяч каждый тираж. Как-то жена поэта Аня Пугач мне сказала: "Книжный магазин на ул. Горького — наш любимый, поскольку работает до часу ночи. Мы, возвращаясь откуда-то, с удовольствием заезжаем и узнаем, как идут книги Андрея. И радуемся: на его книгах обычно стоят наклейки: "Лучшая продажа..."

Вернувшись из четырехлетней творческой командировки в Израиле, Андрей должен был вести передачи на телевидении. Но там оказался свой расклад. Андрей решил вернуться на радио. Он говорит:

— Негоже сидеть без дела и вспоминать, кем ты был в той жизни, и думать, как тяжело жить сейчас. Это смешно. Надо заново начинать. Да стоит ли жалеть о работе на телевидении? Я почти не включаю "ящик" — сплошные убийства и пошлая реклама. Совершенно исчезли программы и фильмы, где бы просто рассказывали о любви к детям, о рядовых семейных проблемах, просто нормальные фильмы, далекие от криминала. Мир разрушен. Но поэзия еще дает о себе знать. В "Профиздате" вышел том в серии "Поэзия XX века", где стихи Блока, Бунина, Ахматовой, Маяковского, Мандельштама, Есенина... Из современных там только Окуджава, Евтушенко, Ахмадулина и я. Тиража в 12 тысяч не хватило. Собираются доиздать.

— Андрей, куда исчезают Атлантиды? Где было притяжение к журналу "Юность"? Во времена редакторов Бориса Полевого и Андрея Дементьева этот журнал был очень популярен.

— Когда я бываю за рубежом, то наши бывшие соотечественники спрашивают меня: "А что с "Юностью"? К моему удовольствию, иные из уехавших привезли с собой подшивки "Юности". Меня это тронуло до глубины души. По той почте, которую я имею, могу сказать, что нас на "Радио России" слушают 70 миллионов. Это первая кнопка радио по субботам. Передача повторяется по воскресеньям. Я хорошо знаю, как и чем живет Россия. Люди хотят простоты человеческих отношений, без чернухи, без порнухи, без выпендрежа — короче, без распада. Люди — и молодые, и пожилые — Богом запрограммированы на волне чистоты, милосердия, доброты и любви. Все это необходимо сейчас как воздух. Каждое второе письмо ко мне кончается признанием: "Вы нам даете то, чего нам не хватает". Я хотел бы, чтобы журнал "Юность" возродился именно на

ЛЮБИТЬ, НАДЕЯТЬСЯ, ПРОЩАТЬ

Андрей ДЕМЕНТЬЕВ:

"Я знаю, чем живет Россия"

этой волне — человеколюбия и чувства прекрасного.

— Знаю, ты много ездишь по России. Где был в последний раз?

— Недавно побывал в Торжке на Пушкинском празднике. Торжок — старинный городок, но, к сожалению, он тоже начал портиться — сказываются дурные привычки богатеньких. Но все-таки на радость высятся на берегу Тверцы храмы, соборы невероятной красоты. Каким-то чудом сохранилось в Торжке искусство золотшвей. Когда-то Пушкин привез из Торжка два расшитых золотом пояса для княгини Вяземской. Она с удивлением сказала поэту: "Александр Сергеевич, зачем же вы такие дорогие подарки привозите?" Представьте, какая это была красота! Получил и я на память платок, расшитый современными золотшвеями.

— Ну и как Торжок празднует день рождения великого поэта?

— Замечательные на тверской земле праздники — я на многих бывал. Стекаются тысячи людей. На этот раз я обомлел: на сцену вышли красивые девчонки в нарядах XIX века, а мальчишки во фраках. Читали его стихи, отрывки из писем. Танцевали балльные танцы — мазурку, полонез... Было множество цветов. Конечно, на все нужны деньги — и кто-то помог. Радостно, что столько искренности и души в этих торжествах.

В двух километрах от Торжка — могила Анны Петровны Керн. Представьте, туда приезжают свадьбы, молодожены с цветами идут к ней, как к Вечному огню. На набережной — памятник Пушкину — прекрасная работа скульптора Олега Комова.

Жена Дементьева Аня по секрету сказала, что около памятника к Андрею подошли ребята и с его разрешения спели ему "Многая лета". Я спросила ее, какими витаминами она кормит Андрея, чтобы не появились признаки возраста. Его серые глаза все еще сияют молодым светом. И она ответила мне просто: "Андрея спасают его истоки — русская тверская природа".

Сам поэт о своем неувядающем жизнелюбии сказал:

— Свой юбилей воспринимаю с юмором. Чисто физически, морально и, говорят, внешне я никак не совпадаю со своим серьезным возрастом. Энергии много — тыфу-тыфу, постучу по дереву, — книги выходят. Откуда все это во мне? Думаю, от моих предков-долгожителей. Люблю жизнь. Каждый раз, просыпаясь, я благодарен всему сущему: светит ли солнце, идет ли дождь, падает ли снег — все это проходит через меня. Счастлив, что живу. Каждый день — это новое открытие. Сегодня вот у тебя встретил Женю Евтушенко, и это для меня приятная неожиданность. Мы с ним Раки. А Раки — хорошие люди. Один симпатичный известный писатель — увы, его уже нет на земле — сказал мне однажды: "Раки — это люди, которые не делают подлостей". Поздно ночью, когда я наконец ложусь, меня вдруг тревожит мысль: боже мой, все ведь это может закончиться внезапно, в любой момент. Однажды написались строки: "Как важно вовремя успеть сказать кому-то слово доброе, ведь все порушить может смерть". А как передать свое состояние, когда сообщают: тот умер, другой — а они моложе меня.

И каждый новый день для меня счастье, подарок. Живу с ощущением бесконечных подарков. Мне их дарит природа, которую я бесконечно люблю, люди. Минуты и часы общения с ними — это и есть благо. Новые книги, стихи — только частица этой большой радости.

— Андрей, почему не говоришь о женщинах?

— Да я только о них и говорю в стихах. Женщины, которых я любил, мне милой и дороги поныне, даже и вдали — они богини, женщины, которых я любил. Возможно, есть удачники, они любят единственную женщину. Я влюблялся рано (смеется), еще в начальной школе. Влюблялся и женился. А потом расстался. Иногда это были тяжелые разводы, ведь разываются по-живому две судьбы. Все кровотоцит. Тяжело. Натура моя от этих треволнений заимствовала, к счастью, только свет этой любви. Плохое, тяжелое не вспоминаю, не храню в себе. Остается свет от тех мгновений, когда я любил и был счастлив. Пусть неделю, год счастлив. Это стоит дорогого.

Смею думать, что я своим женщинам тоже приносил свет. Любовь без этого света не любовь.

— Всегда приятно видеть вас с Аней. Вы всегда на подъеме, с доброй улыбкой на лице.

— Сейчас мне хорошо. Моя последняя жена Аня Пугач — тоже Рак. Два Рака в одной семье — случай тяжелый. Но мы, Раки, не злопаметны, забываем обиды и помним только добро.

— Андрей, журнал "Юность" тоже был твоей любовью. Многие авторы получили ветер под крыло именно в юности. Помнят ли они про это?

— Читаешь иногда в интервью известного автора, что он однажды проснулся знаменитым, и не называет колыбель, где он "проснулся". Меня это обижает. Ты проснулся на страницах этого издания. Скажи об этом.

Поэтов Бог бережет, но не избавляет от врагов, от завистников и бандитов. Андрея Дмитриевича, добрейшего человека, бесстыдно ограбили — забрали все, даже костюмы, в которых он выходил к слушателям. Да и слушатели поэта бедствуют, но сохраняют в душе, как и поэт, потребность любить, надеяться на лучшее и прощать. Сегодня "МК" говорит ему:

— Многая лета, Андрей. Будь всегда! Наталья ДАРДЫКИНА.

НОВЫЕ СТИХИ

Наша жизнь немного стоит. И к тому же коротка. Вся Россия тяжело стонет В стыдной роли бедняка.

Наша жизнь немного стоит, Как недорого честный труд. Нас то гимна удостоят, То в заложники берут.

Кто на Западе не издан, Тот для наших сновов ноль. Я ж доверил русским избам И любовь свою и боль.

Исповедовался людям, С кем под небом жил одним. Верю я лишь этим судьям. И подсуден только им.

Не косил глаза на Запад. Не искал уютных мест. И богатств здесь не нахапал. Нес, как все, свой тяжкий крест.

И России благодарен, Что в цене мои слова. Что они не облетают, Как пожелтая листва.

МЕРТВОЕ МОРЕ

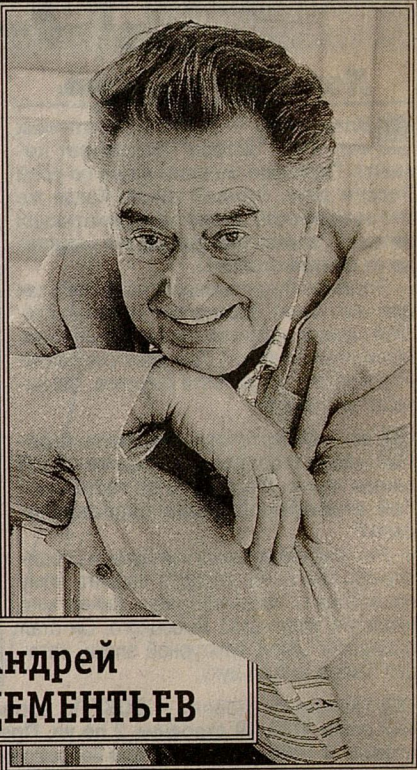
В Мертвом море столько соли, Сколько мрака в темноте. Ты — как лодка на приколе — Отдыхаешь на воде.

Под тобою только камни Да просоленный настил. А вдали валун, как мамонт, Бивни в воду опустил.

А вдали пустынный берег. Иорданская земля. Ты не хочешь мне поверить, Что сейчас туда нельзя.

Что обманчив тихий берег. И жестоки времена. Невзначай еще подстрелят. Разбирайся, чья вина.

Ведь не зря на этом месте Был Содом — библейский град. И плывет со мною крестик. И плывет с тобой мой взгляд.

Андрей ДЕМЕНТЬЕВ

Разговорана Россия. Обездолена страна. Никого мы не просили Жизнь менять и времена.

Но уже нам жребий роздан. И подsunут новый миф...

Так же вот крестьян в колхозы Загоняли, не спросив, Как теперь нас гонят к рынку, Будто к собственной беде. Ты ловись, ловись, рыбка, В мутной рыночной воде.

И уж вы "не подведите", Олигархи-рыбаки...

Я иду к строке на митинг Всем запретам вопреки.

Встретил друга. Постояли, помолчали. Видно, говорить нам стало не о чем. Не попросишь: "Утоли мои печали..." — Если у него на них свой перечень.

Не обижусь. Да и он, наверно, не обидится. Жизнь такая — Все мы ею озабочены. Хорошо еще, что удалось нам свидеться. Ныне все мы у судьбы чернорабочие.

Будь здоров, земля! До новой встречи разовой. Я в стихи... А ты в свой мир уходишь квантовый. Если можешь, Никому об этой встрече не рассказывай. Потому что оба мы с тобою питекантропы.